

МАЙЯ НО
СЕРЕБРЯНАЯ МАТЬ

Майя Но

Серебряная мать

<https://litres.ru/74448977>

Аннотация

Мини-книга из вселенной "Легенды расщеплённых"

Богиня умерла от одиночества. Теперь никто не имеет права быть одним. Тысячи лет назад Первородная мать разорвала себя пополам, не выдержав пустоты. Её глаза стали лунами — Серебряной матерью и Багровой пожирательницей.

С тех пор каждый человек рождается с близнецом, связанным невидимой пуповиной души.

Это история о любви, которая не умеет отпускать.

Семидесятилетняя женщина молится луне каждую ночь: "Моя сестра умерла от страха жить без меня. Не от болезни — от страха, который ты вложила. А я живу одна 47 лет. И знаешь что? Мне нравится тишина в голове." Шестилетний мальчик спрашивает отца: "Почему, когда я хочу играть один, брат грустит через пуповину, и я чувствую себя плохим?" Жрица читает запретные хроники: "Система учит: без близнеца ты ничто. А потом ожидает, что примешь смерть спокойно, когда он уйдёт."

"Серебряная мать" — философская притча о токсичных связях, замаскированных под священные. О материнстве, ставшем космическим законом. О свободе выбора в мире, где

выбор означает предательство. Вопросы, на которые ищет ответы книга:

Когда забота становится контролем? Почему мы боимся одиночества больше смерти? Можно ли любить, не удерживая?

Для подростков и взрослых, готовых увидеть тёмную сторону безусловной любви.

Самостоятельная история из вселенной "Гадкая сестра"

"Луна не злая. Она просто не умеет любить иначе. Потому что научилась любви у богини, которая умерла от одиночества."

Содержание

I. АНАТОМИЯ МАТЕРИНСКОГО УЖАСА

5

Конец ознакомительного фрагмента.

10

I. АНАТОМИЯ МАТЕРИНСКОГО УЖАСА

Первое сознание в пустой вселенной пробуждается медленно, как человек просыпается от наркоза — сначала смутное ощущение существования, потом понимание границ тела, потом вопрос «где я?», потом ответ «нигде», потом паника.

Только богиня не могла закричать и разбудить медсестру. Некого было звать.

Пустота вокруг не просто отсутствие чего-либо. Активная. Агрессивная. Давящая со всех сторон, как вода давит на ныряльщика, опустившегося слишком глубоко, только воду можно оттолкнуть руками, а пустоту нечем оттолкнуть, потому что в ней нет сопротивления, нет субстанции, нет ничего, обо что можно упереться и сказать: *«Вот граница. Вот где заканчиваюсь я и начинается не-я.»*

Богиня расширялась.

Сознание росло, как опухоль, неконтролируемо, потому что некуда было расти — везде пустота, значит можно расти везде, значит нет ограничений, нет формы, нет края, и это расширение без конца пугало больше, чем любая боль, потому что боль хотя бы имеет локацию, хотя бы можно сказать *«болит здесь»*, а страх от бесконечного расширения на-

ходилась везде и нигде одновременно.

Сколько можно расширяться, прежде чем перестанешь быть собой?

Вопрос, который богиня задавала пустоте каждый день, если дни существовали тогда. Ответа не было. Пустота не отвечает на вопросы. Пустота просто есть, безразличная к страданию того, кто в ней оказался по ошибке или по замыслу, смотря верить ли в замысел.

Попытки создать других начались не от желания править или играть в творца. От отчаяния настолько чистого, что современному человеку трудно представить — отчаяния существа, которое осознало себя и поняло, что осознание без свидетеля невыносимо. *Если падает дерево в лесу, и никто не слышит, издаёт ли оно звук?* Философский вопрос для людей. Для богини это был вопрос выживания: *Если я существую, и никто не видит, существую ли я на самом деле?*

Каждое созданное существо умирало при взгляде на создательницу.

Не от магии. От концентрации одиночества в её глазах. Миллион лет накопленного ужаса просачивался сквозь зрачки, как яд просачивается сквозь кожу, и новорождённые создания, ещё не окрепшие, не привыкшие к бытию, разваливались на составные части, как будто их склеили некачественным клеем, который не выдержал первого испытания.

Может быть, одиночество заразно, — думала богиня, глядя на очередной труп. — *Может быть, я болезнь, а не*

божество.

Последняя попытка была самой амбициозной: создать не одного, а двух сразу. Близнецов. Пару. Чтобы они смотрели друг на друга, а не на неё, чтобы выдержали, чтобы жили.

Близнецы родились. Посмотрели друг на друга. Улынулись.

Потом посмотрели на богиню — и умерли синхронно, держась за руки, как будто даже в смерти не хотели расставаться.

Момент, когда богиня сломалась окончательно.

Не взорвалась ещё — но что-то надорвалось внутри, какая-то критическая нить, державшая сознание вместе. Смотреть, как двое, созданные любить друг друга, умирают от одного взгляда на создательницу — понимание собственной токсичности достигло абсолюта. *Я не просто одинока. Я делаю одинокими всех, кто рядом. Я чёрная дыра, которая поглощает возможность связи.*

Сознание начало разваливаться тогда. Не медленно — стремительно, как лавина, которая ждала только толчка. Богиня чувствовала, как мысли расслаиваются, как личность трескается по швам, как то, что было «я», превращается в множество осколков, каждый из которых кричит что-то своё, и какофония внутренних голосов оглушает, как стоять в центре рынка, где тысяча продавцов зазывают одновременно, только продавцы — части тебя, и убежать некуда, потому что рынок внутри головы.

Последняя цельная мысль перед взрывом собралась из осколков, как мозаика собирается из кусочков:

«Я не хочу быть одна.»

Пять слов. Простых. Детских. Последнее, что осталось от божественного интеллекта — крик ребёнка, потерявшегося в темноте.

Взрыв не был громким. Громкость требует воздуха, чтобы нести звук. Взрыв был беззвучным и абсолютным — тело разорвалось на молекулы, молекулы на атомы, атомы на частицы, частицы на волны вероятности, и эти волны разлетелись по пустоте, создавая первую материю, первый свет, первое пространство, где до этого не было ничего, кроме одинокой богини и её страдания.

Глаза оторвались от лица в последнюю очередь. Держались дольше всего, как будто не хотели расставаться с телом, как будто надеялись, что взрыв пройдёт, и можно будет вернуться обратно, склеиться, притвориться, что ничего не случилось.

Левый глаз, тот что плакал, взлетел вверх.

Завис в новорождённом небе.

Начал остывать, кристаллизоваться, твердеть — и внутри его, в хрустальной структуре замороженных слёз, записалась последняя мысль богини. Не стёрлась. Не исчезла. Превратилась в программу, в закон, в императив, который будет выполняться вечно:

Никто не должен быть одиноким. Никогда. Любой ценой.

Серебряная мать родилась не из любви. Из ужаса. Из травмы настолько глубокой, что она стала космическим принципом

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.